ЖИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

К 50-ЛЕТИЮ МЕНЗЕЛИНСКОГО ТАТАРСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Когда весной этого года новый главный режиссер Мензелинского театра Фаил Ибрагимов решил взяться за постановку «Голубой шаль» Карима Тинчурина, у некоторых актеров возникли немалые сомнения: «Голубая шаль» — своего рода визитная карточка Мензелинского театра, как чеховская «Чайка» для МХАТа, с «Голубой шалью» театр начинался 50 лет назад, на этом спектакле выросло, прошло профессиональную школу не одно поколение актеров, не одно поколение зрителей воспитано! Сможет ли молодой режиссер, за плечами у которого всего год стажировки в Мензелинском театре в фактически в одной самостоятельной постановке, сделать свой спектакль достойным уровня предыдущих трех обращений театра к драме К. Тинчурин — С. Сайдашева, станет ли он событием?

Дело осложнялось еще и тем, что в последние пять лет в Мензелинском театре стали ощущаться некоторые симптомы, как бы это сказать, творческой усталости, которые периодически возникают в любом коллективе. В этих условиях надежды директора театра А. Богатырева на Ф. Ибрагимова, на то, что новый главный режиссер сумеет омолодить атмосферу в труппе, вдохнет в актеров новые творческие силы, содействовали с серьезной озабоченностью.

Сегодня долгие месяцы упорной работы над спектаклем позади. «Голубая шаль» отырыла творческий отчет мензелинцев в Казани в связи с юбилеем театра, и можно с радостью сказать: успех превзошел все ожидания.

Чем же отлична нынешняя постановка? Прежде всего, бросается в глаза яркое своеобразие художественного оформления. На сцене нет привычных по прежним спектаклям деревенских домов, широких ворот и прочих элементов крестьянских или байских построек, подчеркивающих место действия. Вместо них художники спектакля А. Закиров выстроили на сцене, слева и справа, подобные высоким стенам, заостренным вершинами напоминающих о темнице, о лозушке. Сверху эти стены-копы соединены арочным пролетом деревянного дома. Ощущение безысходности усиливается расположением в глубине сцены частоклодом казачьих пик, словно охраняющих устон царского строя. В центре сцены — небольшой помост, своими точно продуманными перемещениями вызывающий необходимость физическое самочувствие актеров и массу ассоциаций в зрительном зале.

Второй (а по сути, главной) отличительной чертой нынешней постановки является новаторское режиссерское прочтение материала. Действие разворачивается настолько стремительно, в таком темпоритме, что порой возникает ощущение постоянно нахождения на сцене огромного количества людей. С большой отдачей и высо-

кофессионально работают все актеры театра, причем, что отрадно, и в народных сценах, наделяя образы индивидуальными чертами, все они создают запоминающиеся характеры угнетенных, но не покоренных людей.

Шахтер Булат (Р. Муллин) появляется в сцене подготовки молодежи села к сабантую. Казалось бы, ничто не предвещает беды. Соревнуются в пляске девушки, пытаются завладеть голубой шалью, находящейся в руках Булата. Но вот шаль накинула Булатом на плечи Майсары (Р. Харисова), и почти одновременно с поведением Зиганши (Р. Мардеханов), разгоняющего молодежь, раздается бравая песня «Соловей, соловей, пташечка...». В село входит отряд конных казаков...

У автора только в третьем акте сообщается о появлении конного отряда казанов, направляющихся через село на подавление крестьянских волнений в близлежащих селах. Режиссер же вводит казачью песню, начиная буквально с первого акта, причем параллельно с действиями отрицательных персонажей пьесы.

Обратимся в сцене собрания подати, к сцене глумления над народом служителей культа. На высоком постаменте восседает Ишан (его роль прекрасно исполняет заслуженный артист ТАССР Ф. Бадриев). Лукаво, с изволом прищурив глаза наблюдает «разгневанный» Ишан за людьми, склонившимися в молитве-прошении у его ног. Крутятся вокруг Ишана, собирая подати и стараясь угодить ему, бывший вор и конокрад Зиганша (в не менее прекрасном исполнении Р. Мардеханова). Песня, которую громко поют сытые и здоровые конные казаны, приводит в замешательство полуголодных, по сути, нищих людей, принесших в качестве податей последние запасы. Заметались старики, попрыгали под помост женщины. А наверху, на одном из помостов, широко расставив ноги, крепко стоит Байгура (М. Фаттахов). На соседнем помосте с вядом, казалось бы, полного безразличия восседает Ишан, которому нет дела до крестьян. Он словно не замечает происходящего. Так мизансценически режиссер выражает мысль о тройном угнетении сельского населения в татарской деревне. С одной стороны — татарские бай, с другой — служители культа, в над всем этим — сила и жестокость царской власти.

Таким образом, усиливается социальное звучание всего спектакля. И это правильно. Ибо К. Тинчурин в первую очередь в «Голубой шаль» хотел показать, каким притеснением подвергались до революции национальные меньшинства, а не фольклор татарской деревни начала века.

Особым драматизмом, на фоне социального неравенства, наполнены судьбы двух

возлюбленных — Булата и Майсары. Случайное убийство Булатом конокрада Зиганши вынуждает его покинуть село и прижиться в скрывающемся в соседних лесах беглецам. Кого только нет среди них. Здесь в русский парезь Мишка (заслуженный артист ТАССР И. Фахретдинов), чуваш Петряй (Р. Юзиев), скрывающийся от призыва в царскую армию Шахерт (Т. Халиуллин), фальшивомошечник Тимуш (Ш. Миняуллин) и масса безмысленных беглецов. Заметной фигурой среди беглецов является Шайхи-бабай. Заслуженный артист РСФСР А. Фасхутдинов создает яркий образ простого человека, долгие годы скрывающегося от преследования за подлог барских имен, но не покорившегося.

Булат, кипит страсти среди беглецов. Сталкиваются противоречивые мнения, суждения. Это, пожалуй, одна из лучших массовых сцен спектакля, несущая большой социальный смысл. Собираются в народе силы, пусть пока не совсем управляемые и разрозненные, без ясного понимания конечных целей. Но они собираются, скапливаются, движимые сознанием несправедливости существующего строя. Наполненная гневом многолюдная народная масса готова и к действию. Ей недостает только руководителя. И происходит чудо — он появляется. Это Булат. (Очень убедителен в этой сцене артист Р. Муллин).

Выразитель интересова простого народа, вчерашний шахтер, Булат встает во главе обездоленных и униженных. Едины в своем стремлении еще совсем недавно не знавшие, что делать, люди. Они поднимаются из-под помоста, выбирают на его поверхность, заполняя все пространство сценической площадки. На одном из помостов, немного впереди других, готовятся к походу русский парезь Мишка. Булат стоит на другом. Еще немного — и оба помоста соединятся, и хлынет по мосту волна народного гнева, сметая все отжившее со своего пути.

Спектакль мензелинцев впечатляет. Давно не видели мы в этом театре такого актерского ансамбля, такой самоотдачи всех без исключения актеров. Разумеется, при желании можно найти в спектакле и определенные актерские недоработки, сделать ряд замечаний по интерпретации музыкальных и сольных номеров. Но смотрел я на сидящих в зале ветеранов театра, первых исполнителей многих ролей в спектакле «Голубая шаль» Р. Ибрагимову, М. Зайнчулгану, Р. Шангирову, Н. Гайнетдинову, Б. Валееву и испытывал особое чувство удовлетворения за прошлое и будущее Мензелинского театра. Да, ветераны могут быть довольны своей смелой! В театр пришли люди, способные повести его к новым высотам творчества.

Ф. ХАБИБУЛЛИН,
Режиссер Татарского театра драмы и комедии.